

# **МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА**

## *СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ*

АЛЕКСАНДР ВЫЛЕГЖАНИН  
ОЛЬГА МАГОМЕДОВА  
МГИМО МИД России, Москва, Россия

---

### **Резюме**

В статье рассматривается феномен международно-правовой политики государства, концепция которой наиболее предметно представлена во французской юридической науке. Согласно классическому объяснению данного феномена, каждое государство стремится внести вклад в выработку современных международно-правовых норм, участвуя в согласовании воли государств. Для продвижения и утверждения своей позиции в отношении действующих и формирующихся международно-правовых норм государство выстраивает политику, которой придерживается на практике. Проведение государством индивидуальной международно-правовой политики, однако, вызывает вопросы, а иногда и критику. Интерпретация роли международно-правовой политики как не более чем юридического обоснования политически мотивированных решений государства приводит к инструментализации международного права. Согласно классическому пониманию, рассмотрение международного права лишь как орудия внешней политики государства недопустимо, поскольку это противоречит ключевой цели международно-правовой политики – легитимации. Достижение этой цели подчинено базовому принципу приверженности верховенству международного права в международных отношениях. В свою очередь, инструментальное понимание международно-правовой политики допускает отклонения от существующего международного права и тем самым привносит дополнительные риски для международно-правовой стабильности. В статье показано, что международное право, будучи гибким, развивается с изменением интересов государств на международной арене, при многообразии отношений между ними, а свойство гибкости международного права рассматривается как естественная предпосылка его развития. При согласовании новых норм международного права проведение государством компетентной, активной международно-правовой политики, даже если его партнёры с ней изначально не согласны, само по себе не наносит ущерб основам международного права. Напротив, реализация политики, нацеленной на его преобразование, представляет собой *conditio sine qua non* для поддержания международного правопорядка, его эволюционной адаптации к меняющимся международным отношениям и иным вызовам современности. Обращение к классической концепции международно-правовой политики государства позволяет переосмыслить состязательное сосуществование разноректорных международно-правовых манёвров государств.

### **Ключевые слова:**

международно-правовая политика; «инструментальная» концепция; «классическая» концепция международно-правовой политики; согласование воли государств; национальные интересы; международная легитимация; юридические манёвры государства.

---

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2022

Дата принятия к публикации: 11.08.2022

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: danilalvy@mail.ru

olga.magomedova.96@mail.ru

Способность международного права к развитию определяет, по выражению профессора С.Б. Крылова, его «живучесть», устойчивость как социального феномена, адекватно реагирующего на изменения научно-технических, экономических, иных составляющих международных отношений [Крылов 1956: 4]. Эта *социальная адаптивность* международного права диалектически поддерживается *константными составляющими* объективной основы его существования: *организации мира* посредством функционирования *государств*, необходимости предотвращения мировой ядерной войны, а также в силу совпадающего интереса государств в долговременной перспективе в *упорядоченных отношениях*. Вместе с тем логично и зеркально утверждение: международное право не только регулирует отношения, меняющиеся со временем, но постоянно структурирует международные условия, обновляя международную повестку<sup>1</sup>. В классических доктринах международное право рассматривается как результат прежде всего согласования воли государств [Курс международного права в 6 томах 1967; Тункин 1970; Курс международного права в 7 томах 1989; Лукашук 1997], что свидетельствует и о том, что воли государств, как правило, разные.

В таком контексте современная проблематика международно-правовой политики государства — это не повторение давнего вопроса о соотношении права и политики, о чём размышляли ещё Платон, Аристотель, Конфуций; или о роли в политике национальных интересов государства, и его суверенитете как ценности, о чём писали Н. Макиавелли, Ж. Боден, Ф. Де Витория, Г. Гроций, А. Джентили, С. Пуфендорф, Э. де Ваттель, Ш. Монтескьё, Г. В. Лейбниц [Гроций 1956: 314; Вылегжанин 2015: 418—

433; Vattel 2008: 7]. Тема международно-правовой политики государства не является также повторением вопроса о взаимопроникновении, взаимодействии международного права и внешней политики, что предметно раскрыто в трудах Ф.И. Кожевникова, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, Г.И. Морозова, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, а также в исследованиях зарубежных правоведов-международников [Вылегжанин, Дудыкина 2016: 21—37; Современная наука международных отношений за рубежом 2015: 434—580]. В самом кратком виде их выводы по этому давнему вопросу следующие. *Политика государства* есть выражение его *интересов*, его деятельности, а последняя регулируется *международным правом*. *Политика* влияет на *международное право*: например, от *внешнеполитической линии* каждого из двух договаривающихся государств в значительной мере зависит *содержание* того *двустороннего договора*, который они согласовывают; само *создание* нового договорного источника международного права есть, в сущности, *взаимобусловленная реализация политики* каждым из них. Диалектика взаимодействия международного права и политики проявляется и в том, что международное право, хоть в неодинаковой степени, *задаёт направленность политике* каждого государства. *Императивные нормы общего международного права (jus cogens)* не позволяют нескольким государствам договориться о совместной политике агрессии в отношении третьего государства — такой договор ничтожен с самого начала. Международное право *способствует* реализации *той политики*, которая ему *соответствует*; и *препятствует* политике, ему *не соответствующей*. Составной частью внешней политики государства выступает его поведение на между-

<sup>1</sup> В датско-нидерландском международном исследовании, основанном на «игровом» моделировании международно-правовой практики государств ('sovereignty game'), авторы отмечают, что «международное право прежде всего конституирует самих участников игры, легитимируя их участие и усиливая их международный потенциал, а также определяя параметры, в рамках которых они могут осуществлять свою независимость и суверенитет» (international law ... constitutes the very players of the game in the first place by legitimating their participation and empowering their international capacity, and by defining the parameters within which they can exercise their independence and sovereignty) [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 38].

народно-правовом поле, его позиции по конкретным вопросам международного права, те юридические доводы, которые выдвигаются государством в целях обоснования правомерности его интересов. Естественно, положений договоров государств о международно-правовой политике государств нет, поскольку государствам нецелесообразно нормативно сковывать своё понимание международного права (та самая свобода манёвра — *marge de manoeuvre*, которую так ценят государства [De Lacharrière 1983: 103]). Тем не менее отсутствие договорных клаузул не препятствует широкому признанию в юридической науке наличия феномена международно-правовой политики государства (далее — МП-политики), хотя и при разных его концептуальных описаниях.

В современных теоретических построениях МП-политики объективированы прежде всего две концепции: а) инструментальный подход к международному праву; и б) критикующая этот подход классическая концепция МП-политики. Согласно инструментальной концепции, национальные интересы государства диктуют его политику, в том числе занятие международно-правовой позиции в конкретном вопросе международных отношений. По мнению Роберта Колба, именно национальный интерес государства — «это ключ к небосводу (*la clé de voûte*), где право — слуга политики (*le serviteur de la politique*)»; где «право следует интересам государства как их тень (*leur ombre*)»; где интересы государства «диктуют его правовую позицию, а её правовое обоснование изыскивается *a posteriori*» [Kolb 2015: 6]. В таком контексте для государства международное право функционирует «как подвижное оправдание политики (*justification mouvante d'une politique*)»; соответственно, *главная цель международно-правовой политики государства* состоит в том, чтобы «определить его поведение в зависимости от подлинных национальных интересов (*des interets nationaux propres*)» [Kolb 2015: 15].

Инструментальной концепции противостоит классическая концепция МП-поли-

тики государства (*politique juridique extérieure*), описанная французским дипломатом, юристом-международником Ги Ладре де Лашаррьером [De Lacharrière 1983]. Согласно данной концепции, устремления государства в международно-правовой области составляют его целостную стратегию в отношении действующего международного права. Продвигая свои позиции в международно-правовой практике (от участия в создании международно-правовых норм до их применения), государство стремится воздействовать на их содержание, скорректировать их понимание другими государствами, укрепить принятый данным государством смысл таких норм. Следовательно, финальное содержание международного права рассматривается как результат целенаправленных усилий государств, наиболее активных в своей правовой политике. Тем самым государства вносят свой вклад в функционирование «глобальной международной системы», о которой писал ещё Г.И. Тункин [Тункин 1983: 134–137].

При этом внешняя политика государства реализуется не против международного правопорядка [Мовчан 1996], не в поисках лазеек в международно-правовых нормах с намерением обойти их, но *в отношении таких норм*. Сам термин «международно-правовая политика» означает «национальную политику в отношении правовых аспектов международных отношений» (*portant sur les aspects juridiques des relations internationales*) [De Lacharrière 1983: 5]; при этом МП-политика не предполагает учёта юридических аспектов внутренней организации управления государством, тем более — следования сугубо национальному праву [De Lacharrière 1983: 195]. Эта политика сосредоточена исключительно на отношении к международному праву. Последнее рассматривается не только как регулятор отношений государств, но и как продукт политики ряда государств, взращённое сообществом государств, прежде всего тех, кто наиболее умно, убедительно и активно реализует свою политику [Вылегжанин, Дудыкина 2017: 24].

Таким образом, настоящая статья нацелена на уточнение научной идентичности международно-правовой политики государства, на выявление главного в её классической и инструментальной концепциях. Для достижения этой цели при сопоставлении содержания двух концепций сделан акцент на роли национальных интересов государства в его международно-правовой политике и на сути международно-правовой легитимации действий и позиций государства.

### Содержание классической концепции международно-правовой политики

Французский курс международного права подчёркивает, что «государства реализуют внешнюю политику в сфере права (*une politique juridique exterieure*) точно так же, как они реализуют внешнюю политику в военной, экономической и культурной областях» [Daillier, Forteau 2009: 100]. В популярном в англоязычной юридической литературе курсе международного права М. Шоу также отмечено, что есть «новая теория международного права», согласно которой оно рассматривается как «всеобъемлющий процесс принятия решений, а не как определённый свод правил» [Shaw 2008: 58]. Эту теорию автор называет «*политически ориентированным (policy-oriented)*» трендом в международно-правовой науке, истоки которого он усматривает в работах М. МакДугла, опубликованных ещё в 1950-х годах.

Суть такого тренда, по мнению М. Шоу, состоит в следующем. Налицествует «перечень ценностей, интересов, соображений, подлежащих учёту в международной системе» лицами, которые реально принимают решения от имени государств («уполномоченные лица»). Это подчёркивает значение выбора «между разными вариантами в отношении международно-правовых принципов ... Такое лицо, принимающее решения, подвержено ряду влияний и давлений, таких

как ценности общества, в котором это лицо находится, а также интересы конкретного национального государства». На таком фоне, утверждает автор, «функция международного права состоит в том, чтобы передавать взгляды (требования, представления и ожидания) народов мира относительно этого всеобъемлющего процесса принятия решений» [Shaw 2008: 60].

Ключевой постулат рассматриваемой концепции: цели, которые государство преследует в международно-правовой сфере, предопределены его *национальными интересами*, а понятие «национальный интерес» зиждется на суверенитете. Напомним, что об «интересах суверена» писали ещё Н. Макиавелли, Дж. Ботеро, Ж. Боден, а впоследствии тема суверенных интересов была усилена понятием '*raison d'Etat*' [Machiavelli 2016/1513; Botero 2017/1589; Bodin 1579; Meinecke 1924]. При этом не все национальные интересы постоянны, поскольку они связаны с потребностями страны, «очевидными в историческом контексте» (*standing out vividly in historical perspective*) [Beard 1966]. Саму идею национальных интересов Г. Моргентау положил в основу реалистской теории международных отношений, где эти интересы определены как «некий стандарт оценки внешней политики, планируемой или реализуемой» [Morgenthau 1949: 208]. Степень достижения национальных интересов представлена при этом мерой эффективности внешней политики. Завышенное значение, которое Г. Моргентау придал национальным интересам, «собственному интересу» (*self-interest*) государства, не согласовывалось с разумными ожиданиями учёта интересов других государств на основе международного права<sup>2</sup>. В этой связи идея непререкаемой первостепенности национальных интересов в построении международно-правовой политики вызывала сомнения.

Вместе с тем идея гармонизации интересов государств прослеживается на всём

<sup>2</sup> Как отмечает Ф.Р. Тесон, радикальный реализм оправдывает национальными интересами военные меры, предпринимаемые государством за пределами его национальной юрисдикции [Teson 2018: 49].

пути развития международного права. Значимость интересов государств обозначена и в современных универсальных международных договорах, в том числе в Уставе ООН<sup>3</sup>, в Конвенции ООН по морскому праву<sup>4</sup> и др. В то же время в международно-правовой науке акцент сделан на учёте *легитимных (правомерных) интересов* государств, а не всякого рода национальных интересов. Авторитетный британский юрист-международник Я. Броунли признавал правотворческие возможности именно легитимных интересов государства [Brownlie 2008: 28]. При урегулировании международного спора суд может признать некий национальный интерес в качестве жизненно важного, но при условии соответствия данного интереса применимым международно-правовым нормам. Следовательно, не отрицая возможности юридического продвижения национальных интересов государств, нормативная поддержка оказывается тем из них, которые соответствуют применимому международному праву. Именно такие национальные интересы квалифицируются как легитимные. Иными словами, национальные интересы государства и его легитимные (правомерные) интересы не всегда юридически тождественны. Категория национальных интересов может включать в себя не только те интересы, которые точно соответствуют международно-правовому порядку; но и те, чьё соответствие такому порядку сомнительно, хотя действующая власть от имени государства признаёт следование таким интересам. Правомерные (легитимные) интересы — это разумные в существующем международно-правовом контексте, международно-признанные национальные интересы. Во внешней легитимации действий и позиций государства и заключается основная цель его международно-правовой политики.

Международно-правовая легитимация<sup>5</sup> позиции государства предполагает убеждение и других государств в том, что данная позиция соответствует применимому международному праву. Под международно-правовой позицией государства понимается принятое им представление о нормах, применимых к данным отношениям государств, об их содержании и об оптимальном способе их реализации в поведении государства. Следовательно, когда речь идёт о возможностях легитимации международно-правовой позиции государства, подразумевается допущение правомерности такого поведения и юридической точки зрения, допускающей такое поведение.

В науке понятие «легитимация» используется и как своего рода мета-дефиниция справедливого поведения государства, соответствующего «должному управлению» (*good governance*) в международных отношениях [Caron 1993: 557; Thomas 2014: 733]. Этот подход отражается иногда в терминах «правомерности» (*legality*) поведения государства [Kumm 2004: 918], «общего одобрения» (*common approval*) такого поведения [Mulligan 2005: 359]. В международно-правовой области теория легитимации поведения государства как цели его международно-правовой политики представлена Т. Франком в 1980-х годах [Franck 1988: 706]. Он обратил внимание на такой элемент «легитимности», как последовательность (*coherence*) применения задействованных норм международного права, причём схожего применения в аналогичных случаях. При этом последовательность ведёт к опоре на одни и те же нормы правовой системы, но последовательность не отвергает рациональную избирательность: одинаковое применение правила не может быть механическим (как робот не может быть судьёй, воспринимающим дело в его индивидуальных характеристиках факта и

<sup>3</sup> Charter of the United Nations. 1 UNTS XVI. 1945. Art. 74, et seq.

<sup>4</sup> United Nations Convention on the Law of the Sea. 1982. Art. 142, 267, et seq.

<sup>5</sup> В переводе с латыни "*legitimus*" означает «законный». "*Legitima persona standi in iudicio*" — это «надлежащий истец». В лингвистическом измерении, в «обычном» значении термина международная легитимация — это подтверждение соответствующего статуса, полномочий на основе международного права.

права). Продвижение международно-правовой позиции государства до легитимной возможно при реализации последовательной международно-правовой политики, которая постоянно полагается на применимое, развивающееся международное право. Т. Франк назвал это «приверженностью (adherence)» международному праву; международно-правовая политика, по его мнению, нацелена на то, чтобы повседневно, с долгосрочной перспективой интегрировать действия государства в международный правопорядок; тем самым национальный подход государства к международному праву (позиции государства) становится легитимными «проявлениями международного права» [Franck 1988: 751].

Выстроенная на приоритете национальных ценностей, движимая также мотивом конкретного государства выглядеть правопослушным, его международно-правовая политика нацелена на продвижение собственного понимания международно-правовых норм. Таким образом, продуманная международно-правовая политика *обеспечивает легитимацию не краткосрочных действий государства, но норм поведения, которые несут в себе такие действия*. Другими словами, она направлена, как утверждает-ся, на легитимацию «правовой рациональности (legal rationale)» поведения государства. Как только эти рациональные основы поведения прошли «международно-правовой тест легитимности», их соблюдение влечёт за собой рост убеждения в их необходимости [Krisch 2005: 374].

Можно сказать, что известная теория согласования воли государств получает, при таком концептуальном понимании МП-политики, весьма ценное уточнение, особенно в том, как обеспечить защиту национальных интересов в рамках приверженности верховенству международного права. Вместе с тем исследователи обращают внимание и на отрицательные характе-

ристики той же МП-политики в её инструментальной концепции.

### **Критика инструментальной концепции МП-политики**

Реальность в том, что государства иногда стремятся выбрать наиболее подходящие международно-правовые нормы и механизмы из числа потенциально применимых. Например, определяя инстанцию, куда целесообразно обратиться для разрешения спора — в Международный трибунал по морскому праву либо в Орган по урегулированию споров ВТО [Stoll, Vöneky 2002]. Государство может при этом даже влиять на само содержание развивающегося международного права с тем, чтобы сформировать предпосылки для дальнейшего его развития в желательном для государства направлении [De Lacharrière 1983: 199]<sup>6</sup>. Между тем для других государств такая международно-правовая состязательность может оказаться несообразной с их видением применимого международного права. Возможен ли выход за пределы такого сугубо бинарного видения подобной инструментальной политики (она в рамках международного права или вне его)?

Первый тезис: МП-политику государства следует очистить от её инструментального понимания, изложенного выше [Cazala 2013: 413]. В первую очередь, от самой допустимости ловкого обхода международного права как обязывающего регулятора отношений государств [Weil 1996: 43–47].

В инструментальной интерпретации МП-политики сам выбор источника международного права как применимого используется в качестве средства уже реализуемой политики государств. При осуществлении внешней политики государству действительно приходится толковать и применять нормы международного права таким образом, чтобы подвести юридические основа-

<sup>6</sup> Г. Лашаррьер пишет: «В большинстве случаев международно-правовая политика добивается своей цели скорректировать международное право желаемым образом (или сохранить его содержание, если поставлена такая цель) (Elles [politiques juridiques extérieures] arrivent, dans de nombreux cas, à modifier le droit dans le sens souhaité (ou à le maintenir, si tel est leur objectif)).

ния под реализацию своих национальных интересов. Инструментальная наклонность МП-политики названа естественной: ведь «государство не рассуждает в категориях “общности”, “взаимности”, “симметрии”, а претендует на особое положение» (*l'Etat ne raisonne pas en termes de “generalité, reciprocité et symétrie” mais revendique un statut particulier*), предполагая действие международно-правовых норм “для себя”, прежде всего, пользуясь их “гибкостью» [Coussirat-Coustère 1983: 1000]. Между тем гибкость международного права — достаточно дискуссионная его характеристика: существуют и жёстко сформулированные нормы Устава ООН, и внешне гибкие положения международного экологического права; но из этого различия не следует, что можно сводить последние к подстраиванию под политику какого-то государства. По этой причине Г.И. Тункин критиковал мнение Д.Б. Левина о том, что в применении международно-правовых норм дипломаты могут наполнить их конкретным содержанием, от чего смысл праворегулирования может меняться [Левин 1960: 113]. Предполагать такую преувеличенную роль дипломатии для международного права — значит рассматривать его нормы как бессодержательные формулировки, справедливо отметил Г.И. Тункин [Тункин 1970: 261].

Далее, согласно инструментальной концепции международное право ограничено ролью лишь средства государства [Chayes, Chayes 1998: 229], а результаты применения международно-правовых норм оцениваются как следствие не их обязывающей силы, а компромиссной реализации внешнеполитических устремлений государств [Schachter 1982: 40]. При таком подходе роль международного права не отличается от роли иных детерминант внешней политики государства (экономических или социальных, например). Кроме того, инструментальная концепция ведёт к подмене право-

вых элементов политическими, к искусственному установлению превосходства последних, даже к возможности нарушения международного права по политическим причинам в силу особого национального интереса. Конечно, в рамках МП-политики государство может использовать пробелы, неясности международно-правовых норм для специфичного толкования соответствующих норм в доказательство правовой обоснованности своих действий; может пойти на дополнительные бюджетные расходы, сформировав наиболее квалифицированную команду правоведов-международников, например для защиты своей позиции в международном суде [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 40–41]<sup>7</sup>. Но международно-правовая политика не несёт в себе намерения нарушить установленные нормы международного права. Напротив, государства стремятся расширить, углубить понимание его конкретных положений, привнося тем самым свой вклад в его развитие. В долгосрочной перспективе при этом государство получит гораздо больше преимуществ [Trimble 1990: 833].

Наконец, в рамках инструментальной концепции легитимность создаётся на национальном уровне авторитетом суверенного распорядителя выбора правовых средств. К международному праву в целом государство обращается лишь по мере необходимости. Такие спонтанные правовые поклоны не способны к международно-правовой легитимации, как выше было показано. В классической концепции МП-политики главную ценность представляет именно международное право, и государства прилагают усилия по позиционированию себя внутри этой ценности [De Lacharrière 1983: 135–137, 196].

Таким образом, очевидно различие между кропотливой, последовательной МП-политикой государства (в классической

<sup>7</sup> «Правительственные юрисконсульты становятся ключевыми посредниками во взаимодействии между политикой и международным правом, одновременно раскрывая пределы легитимных политических действий и активно участвуя в разработке творческих решений, гарантирующих, что эти пределы не статичны, а могут быть предметом переговоров».

концепции) и её инструментальной интерпретацией. Классическую концепцию МП-политики относят к теориям, нацеленным на охват международного права «во всём его разнообразии», в его развитии посредством кумулятивных усилий государств, способствующих росту *содержательной относительности* международно-правовой сферы [Pellet 1985: 411]<sup>8</sup>. Вместе с тем высказывается и предостережение: контрпродуктивно, даже только в научном плане, направлять развитие международного права «по пути относительного и случайного (*towards the relative and the random*)» [Weil 1983: 441]. В рамках классической концепции МП-политики международное право рассматривается как гибкая «абсорбирующая» система, воспринимающая целенаправленные усилия государств, реагирующая на меняющиеся вызовы. В этой связи этап толкования и применения международного права назван «вторым туром» (*la seconde manche*) нормотворческого процесса [De Lacharrière 1983: 102]. Для государств, чьи внешнеполитические устремления не в полной мере согласуются с существующими нормами международного права, процесс их индивидуального толкования сегодня даёт возможность уточнить содержание таких норм завтра. Тогда как для государств, чьи интересы выражены в этих существующих нормах наиболее полно, стоит задача, в рамках их МП-политики, сохранить неизменным данный нормативный порядок. Следовательно, концепция МП-политики предполагает своего рода состязательность позиций в отношении содержания некоторых норм международного права; но *не привнесение альтернатив международному праву*; концепция *оберегает его авторитет*, его жизненно важную функцию как *стержня современного порядка в мире*.

В то же время в концепции МП-политики не всегда выдерживается ограничение общей практики государств от соответствующего *opinio juris* (в значении «осознания правового обязательства — *sense of legal duty*» следовать этой практике)<sup>9</sup>. Проводя свою международно-правовую политику с должным соблюдением верховенства международного права в международных отношениях, государство нередко продвигает собственное видение применимых правовых норм. При этом каждое его действие, материальное или вербальное, каждое его бездействие в конкретной спорной ситуации может стать юридически значимым. Хотя признание конкретного образца поведения как юридически обязательного одним государством не обусловлено аналогичным признанием со стороны сообщества государств в целом [Weil 1996: 222]<sup>10</sup>. Посредством последующего согласования воля государства как раз и устанавливают расширенную консенсуальную основу такой обязательности.

С одной стороны, государства заинтересованы в максимально точной формулировке норм, которые чётко защищают международный правопорядок. С другой — в случае выбора между точной формулировкой нормы, не отвечающей полностью национальным интересам данного государства, и общесформулированной, менее ясной, но позволяющей сохранять пространство для юридического маневрирования в целях достижения таких интересов, государство скорее всего предпочтёт второе. Как подмечено, «в неоднозначности международного права доля спонтанного значительна, но и доля намеренного не должна недооцениваться» [De Lacharrière 1983: 90]. Другими словами, государства нередко намеренно согласовывают компромиссные, гуттаперчевые формулировки

<sup>8</sup> А. Пелле делает отсылку к известной статье Р.Р. Бакстера, заглавие которой можно дословно перевести как «Международное право во всём его разнообразии» (International Law in Her "Infinite Variety") [Baxter 1980].

<sup>9</sup> ICJ. North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands) Judgment on Merits. 20 February 1969 ICJ Rep. 3. P. 44. Para. 77.

<sup>10</sup> Французский юрист П. Вейл рассуждает так: «Каждое государство свободно судит о своих правах и обязательствах, но другие государства не обязаны разделять его точку зрения».



норм с тем, чтобы иметь возможность в будущем юридически успешнее защищать свои позиции [Cazala 2013: 413]. Само по себе такое создание основы для компромисса не подрывает основания международного права, но является естественным элементом его развития [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 42]<sup>11</sup>.

### **Имеют ли исследования международно-правовой политики будущее?**

Перспективно ли исследовать международно-правовую политику как феномен? Ведь в своей политике одно и то же государство может намеренно избирать различные подходы к тем или иным нормам международного права, к тому или иному его принципу. Отмечено, что предпосылки «для такого типа политики международно-го права, когда оно само, практикой своего применения, парадоксальным образом увеличивает политическую свободу манёвра государств» уже созданы [Савенков 2020: 319].

С одной стороны, теоретическое сканирование реально существующих международно-правовых шагов государств, несомненно, полезно, тем более что при этом не предлагается новой научной методологии, принципиально иного понятийного аппарата. С другой — данные концепции придают дополнительную сложность для восприятия практиками механизма действия международного права, и без того весьма непростого<sup>12</sup>. Неочевидно и практическое значение вычленения МП-политики государства из его внешней политики в целом. Реальность состоит в том, что феномен МП-политики уже вызывает интерес не только учёных, но и практиков-дипломатов [Kolb 2015; Megret 2021;

Johnstone, Ratner 2021]. Можно предположить, что современная востребованность концепции МП-политики определяется её потенциальным вкладом в сохранение авторитета международного права, в том числе на фоне международно-политических изменений в мире после распада Советского Союза (таких как резкое расширение военного блока НАТО на территории бывших союзников СССР по Варшавскому договору, в частности на территорию Польши; и даже на территории бывших республик СССР — Латвии, Литвы, Эстонии; как государственные перевороты в соседних с Россией странах при иностранном участии, как это было на Украине в 2014 году<sup>13</sup>). Эти международные изменения обостряют вопрос о праве государства на самооборону при современных военно-технических возможностях; эти же вызовы актуализируют вопросы совместимости с международным правом действий в защиту национальных интересов государства.

Концепция МП-политики государства может, в таком контексте, сыграть позитивную роль некоего предохранительного клапана, препятствующего искажению международного правосознания под воздействием тех государств, которые преуспели в популяризации своего видения применимого международного права<sup>14</sup>. В настоящее время возрастает значение того, насколько *убедительна международно-правовая позиция* государства. Её позитивное или негативное *восприятие* на уровне *правосознания* сказывается на общественном мнении во многих современных государствах, влияет на итоговый *вектор политики государства*. Известны факты, когда даже военное вторжение государства на территорию другого суверена вызывает

<sup>11</sup> «[Н]есмотря на своё стремление обеспечить большую политическую манёвренность в отношении международного права, государства, тем не менее, прилагают большие усилия, чтобы найти решения, сохраняющие определённую степень правовой легитимности».

<sup>12</sup> И.И. Лукашук замечает, с учётом сложности системы и структуры современного международного права, что «уровень международно-правовых знаний не только руководителей государств, но и значительной части дипломатов оставляет желать лучшего» [Лукашук 1997: 82–83].

<sup>13</sup> Подробнее см.: [Воронин, Кулебякин, Николаев 2015].

<sup>14</sup> О понятии «правосознание» в международно-правовом контексте см. подробнее: [Лукашук 1997: 82–85].

сомнения общественности в их юридических и этических оценках, но не квалификацию такого вторжения как правонарушения. Например, силовую смену власти в Ираке силами США в результате вооружённого вторжения осудили не только Россия, но и некоторые союзники Соединённых Штатов по НАТО. Тем не менее это вторжение, как и организация Вашингтоном казни президента Ирака и переход многих месторождений нефти в Ираке под американский контроль, не вызвало квалификацию США как «агрессора» со стороны Генеральной Ассамблеи ООН.

Далее, на протяжении последнего десятилетия в политическом дискурсе активно продвигалась так называемая доктрина *unwilling or unable* (UoU doctrine), которая обосновывает право государства, которому угрожает опасность, на экстерриториальное применение мер самообороны, если государство, на территории которого находится источник угрозы, не желает или не способно нивелировать эту угрозу. В результате юристы-международники задумываются о легитимности такого права в современном международно-правовом порядке [Corten 2016; Murray 2017].

Международное правосознание, как и правовые позиции государства, меняется с течением времени. Государство действует чаще всего в своём национальном интересе сегодня [De Lacharrière 1983: 19]. Правительство может принимать решения не в долговременных национальных интересах, но на широкое общественное осознание этого могут потребоваться столетия. Тем более что МП-политика государства отчётливо не вербализуется, её содержание отражает поведение государства, его повседневная международно-правовая практика, даже выявление международно-правовой политики требует профессиональной аналитики. Вместе с тем результаты МП-политики конкретного государства могут постепенно допускаться другими государствами. По мере этого воззрения первого государства на применимое международное право постепенно становятся частью общего его понимания. В этом и

заключается конструктивный, связующий потенциал международно-правовой политики государства в современном мировом правопорядке.

### Заключение

Научная идентичность и оригинальность классической концепции международно-правовой политики выражаются прежде всего в том, что она не противопоставляет международное право и политику, не обозначает превосходство первого или второго, чётко ориентируя государство на приверженность международному праву. При этом оно не сводится к роли инструмента в руках искушённых политиков; недопустимо и выдергивание из международного права отдельных принципов и норм и игнорирование других. Классическая концепция МП-политики позволяет сократить искусственный рост квалификаций действий государств как международных правонарушений (а чрезмерное число таких квалификаций неизменно вело бы к снижению действенности международного права); данная концепция ориентирует на предотвращение бинарной квалификации изначальных позиций государств в отношении конкретных норм международного права. Проблема всякого бинарного видения права в том, что оно, исключая полутона, полуградации в оценках, уже этим ограничено.

В классической концепции выделяются три базовых компонента международно-правовой политики государства: национальные интересы (элемент, задающий исходные критерии оценки государством того или иного международного вопроса и определяющий направление его внешней политики); заявленная приверженность международному праву (элемент, устанавливающий рамки содержания международно-правовой позиции); цель легитимации (элемент, определяющий средства и шаги, необходимые для убедительного продвижения международно-правовой позиции государства). При такой структуре МП-политика нацелена на постепенный инклюзивный процесс международ-

но-правовой легитимации действий государства. Сами категории международной легитимности проявляются только в формате действующего международного правопорядка; неопределённость содержания ряда международно-правовых норм рассматривается как дополнительная возможность юридически деликатного продвижения соответствующей позиции государства в защиту его национальных интересов к полной интеграции этой позиции в общеприемлемое толкование. Более того, сама по себе международно-правовая политика

(в её классической концепции) направлена на усовершенствование существующего международного правопорядка. Она, при добросовестном осуществлении, способна вносить вклад не только в установление правовой определённости (выявляя системные связи между действиями государства, реакцию на эти действия других государств, а также занимаемые ими позиции); она способна содействовать прогрессивному развитию международного права, его адаптации к новым политическим и иным вызовам.

### Список литературы

- Воронин Е.Р., Кулебякин В.Н., Николаев А.В. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. // Московский журнал международного права. 2015. №1. С. 11–28.
- Вылегжанин А.Н. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права / Современная наука международных отношений за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. Т. 2; гл. ред. И.С. Иванов. М., 2015. С. 418–433.
- Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. №4. С. 21–37.
- Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Перев. с лат. А.Л. Саккетти; под ред. С.Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
- Крылов С.Б. От научного редактора // Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Под общ. ред. проф. С.Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
- Курс международного права: В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Отв. ред. тома Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М.: Наука, 1989. 360 с.
- Курс международного права: В 6 т. Т. 1. Понятие и сущность современного международного права / Гл. ред. Ф.И. Кожевников и др. М.: Наука, 1967. 284 с.
- Левин Д.Б. К вопросу о соотношении дипломатии и международного права в свете принципа мирного сосуществования // Советский Ежегодник международного права. 1960 / Советская Ассоциация международного права. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 109–120.
- Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: БЕК, 1997. 371 с.
- Мовчан А.П. Международный правопорядок. М., 1996. 102 с.
- Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020. 448 с.
- Современная наука международных отношений за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. Т. 2 / Гл. ред. И.С. Иванов. М., 2015. С. 434–580.
- Тункин Г.И. Основы современного международного права. М.: 1958. 48 с.
- Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 511 с.
- Aalberts T., Gammeltoft-Hansen T. Sovereignty Games, International Law and Politics. In T. Aalberts & T. Gammeltoft-Hansen (eds.), *The Changing Practices of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 26–44. 251 p.
- Baxter R.R. International Law in Her "Infinite Variety" // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1980. Vol. 29 (4). P. 549–566.
- Beard C.A., Smith G.H.E., Vagts A., Beard W. *The Idea of National Interest: an Analytical Study in American Foreign Policy*. Chicago: Quadrangle Books. 1966. xxv. 475 p.
- Bodin J. *Les six livres de la République*. 1579. de l'impr. de Jean de Tournes. Lyon. 762 p.
- Botero G. *The Reason of State*. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Cambridge University Press. (1589). Ed. by R. Bireley. 2017. 270 p.
- Brownlie J. *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford: OUP, 2008. 784 p.
- Caron D.D. *The Legitimacy of the Collective Authority of the Security Council* // *American Journal of International Law*. 1993. Vol. 87. No. 4. P. 552–588.

- Cazala J.* Retour sur un classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure // *Revue générale de droit international public*. 2013. No. 2. P. 411–416.
- Chayes A., Chayes A.H.* The New Sovereignty: compliance with international regulatory agreements. Harvard University Press, 1998. 417 p.
- Corten O.* The 'Unwilling or Unable' Test: Has it Been and Could it be, Accepted? // *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29. No. 3. P. 777–799.
- Coussirat-Coustère V.* Guy de Lacharrière. La politique juridique extérieure // *Politique étrangère*. 1983. Vol. 48. No. 4. P. 1000–1002.
- Daillier P., Forteau M.* Droit international public. 8 Edition. L.J.D.J. Paris, 2009. 1709 p.
- De Lacharrière G.L.* La politique juridique extérieure. Paris: Economica, 1983. 231 p.
- Franck T.* Fairness in International Law and Institutions. Oxford. Oxford University Press. 1995. P. xxxvi. 484 p.
- Franck T.* Legitimacy in the International System // *American Journal of International Law*. 1988. Vol. 82. No. 4. P. 705–759.
- Johnstone I., Ratner S.* (eds) Talking International Law. Legal Argumentation Outside the Courtroom. Oxford. Oxford University Press. 2021. 376 p.
- Koh H. H.* Why Do Nations Obey International Law? // *The Yale Law Journal*. 1997. Vol. 106. No. 8. P. 599–659.
- Kolb R.* Reflexions sur les politiques juridiques extérieures. Paris: Ed. A. Pedone, 2015. 138 p.
- Krisch N.* International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. No. 3. P. 369–408.
- Kumm M.* The Legitimacy of International Law: A Constitutionalist Framework of Analysis // *European Journal of International Law*. 2004. Vol. 15. No. 5. P. 907–931.
- Machiavelli N.* The Prince. Dover Thrift Editions: Philosophy. (1513). Ed. 2016. 80 p.
- Megret F.* Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy de Lacharrière's La politique juridique extérieure. In Aust P.A., Kleinlein T. (eds) Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries. Cambridge: CUP, 2021. 450 p. P. 108–129.
- Meinecke F.* Machiavellism: The Doctrine of Raison d'État and Its Place in Modern History. London: Routledge, 1924. 487 p.
- Morgenthau H.J.* The Primacy of the National Interest // *American Scholar*. 1949. Vol. 18. No. 2. P. 207–212.
- Mulligan S.P.* The Uses of Legitimacy in International Relations // *Millennium*. 2005. Vol. 34. No. 2. P. 349–375.
- Murray D.* Flawed and Unnecessary: the 'Unwilling or Unable' Doctrine Pertaining to States' Use of Force in Self-Defence against Non-State Actors/ *Hague Yearbook of International Law* // *Annuaire de La Haye de Droit International*. 2017. Vol. 30. P. 59–118.
- Pellet A.* Le Sage, le Prince et le Savant (A propos de «La politique juridique extérieure» de Guy de Lacharrière) // *Journal du Droit International*. 1985. Vol. 112. P. 407–414.
- Schachter O.* International Law in Theory and Practice. General Course in Public International Law // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 178 (I). P. 9–396.
- Shaw M.* International Law. Sixth Edition. Cambridge. University Press. Cambridge. New York, 2008. 1708 p.
- Stoll P.T., Vöneky S.* The Swordfish Case: Law of the Sea vs. Trade / *Heidelberg Journal of International Law*. 2002. Vol. 62. P. 21–36.
- Teson F.R.* A Philosophy of International law. Routledge, 2018. 207 p.
- Thomas C.A.* The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2014. Vol. 34. No. 4. P. 729–758.
- Trimble P.R.* Review Essay: International Law, World Order and Critical Legal Studies // *Stanford Law Review*. 1990. Vol. 42. No. 3. P. 811–845.
- Vattel E.* The Law of Nations / eds. by Kapossy B., Whatmore R. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. 896 p.
- Weil P.* Towards Relative Normativity in International Law? // *American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. No. 3. P. 413–442.
- Weil P.* Le Droit International en quête de son identité // *Recueil des cours de l'Académie de droit international*. 1996. Vol. 6. No. 237. 369 p.

# INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF A STATE

## MODERN CONCEPTS

ALEXANDRE VYLEGZHANIN

OLGA MAGOMEDOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

### Abstract

The article examines the phenomenon of the international legal policy of state, which has been conceptually developed in the French legal doctrine. According to the classical concept of the present phenomenon, each state seeks to contribute to the content of international legal norms by participating in the coordination of wills of states in different ways. To promote and assert its position on existing and nascent international legal norms, the state constructs a policy, which guides its international legal practice. However, the conduct of an individual international legal policy raises questions, including critical ones. Interpretation of the role of international legal policy as a simple legal justification for politically motivated decisions leads to the "instrumental" concept of international legal policy. However, in the classical concept, the consideration of international law as an instrument of the state's foreign policy is not acceptable and, moreover, contradicts the very objective of international legal policy – legitimation. The achievement of this purpose is subject to the principle of the rule of international law in international relations. In its turn the instrumental understanding of the international legal policy allows for departures from the existing international law and thereby contributes to international legal destabilization. In this context, the article shows that being flexible the international law develops with the changing interests of states on the international arena on the background of various interstate relations, while the international law's flexibility is considered as an essential prerequisite for its development. and tasks of states in the international arena. During the development of new norms of international law, the conduct by the state of a competent, active international legal policy, even if its partners do not agree with it, does not per se prejudice the foundations of international law. On the contrary, the policy aimed at its adjustment is a *conditio sine qua non* for the maintenance of international legal order, its evolutionary adaptation to changing international relations, other challenges of our time. Thuswise the concept of international legal policy allows us to reconsider the competition of multi-vector international legal «manoeuvres» of states.

### Keywords:

international legal policy; instrumental concept of international legal policy; classical concept of international legal policy; coordination of wills of states; national interests; international legitimacy; juridical maneuvers of the states.

### References

- Aalberts T., Gammeltoft-Hansen T. (2018). Sovereignty Games, International Law and Politics. In T. Aalberts & T. Gammeltoft-Hansen (eds.), *The Changing Practices of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 251 p. P. 26–44.
- Beard C. A., Smith G. H. E., Vagts A., Beard W. (1966). *The Idea of National Interest: an Analytical Study in American Foreign Policy*. Chicago: Quadrangle Books. xxv. 475 p.
- Bodin J. (1579). *Les six livres de la République*. de l'impr. de Jean de Tournes. Lyon. 762 p.
- Botero G. (2017). *The Reason of State*. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Cambridge University Press. (1589). Ed. by R. Bireley. 70 p.
- Brownlie J. (2008). *Principles of Public International Law*. 7<sup>th</sup> ed. Oxford: OUP. 784 p.
- Caron D. D. (1993) The Legitimacy of the Collective Authority of the Security Council. *American Journal of International Law*. Vol. 87. No. 4. P. 552–588.
- Cazala J. (2013). Retour sur un classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure. *Revue générale de droit international public*. Vol. 2. P. 411–416.

- Chayes A., Chayes A.H. (1998). *The New Sovereignty: compliance with international regulatory agreements*. Harvard University Press. 417 p.
- Corten O. (2016). The 'Unwilling or Unable' Test: Has it Been and Could it be, Accepted? *Leiden Journal of International Law*. Vol. 29. P. 777–799.
- Coussirat-Coustère V. (1983). Guy de Lacharrière. La politique juridique extérieure // *Politique étrangère*. Vol. 48. No. 4. P. 1000–1002.
- Daillier P., Forteau M. (2009). *Droit international public*. 8 Edition. L.J.D.J. Paris. 1709 p.
- De Lacharrière G. L. (1983). *La politique juridique extérieure*. Paris: Economica. 231 p.
- Franck T. (1995) *Fairness in International Law and Institutions*. Oxford: Oxford University Press. P. xxxvi. 484 p.
- Franck T. (1988). Legitimacy in the International System. *American Journal of International Law*. Vol. 82. No. 4. P. 705–759.
- Johnstone I., Ratner S. (eds) (2021) *Talking International Law. Legal Argumentation Outside the Courtroom*. Oxford. Oxford University Press. 376 p.
- Koh H. H. (1997). Why Do Nations Obey International Law? *The Yale Law Journal*. 1997. Vol. 106 (8). P. 599–659.
- Kolb R. (2015). *Reflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Ed. A. Pedone. Paris. 138 p.
- Kozhevnikov F.I. (ed.) (1967). *Kurs mezhdunarodnogo prava. V shesti tomakh. Tom I. Ponyatie i suschnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [International Law Course. In six volumes. Volume I. The concept and nature of modern international law]. Moscow: Nauka. P. 14–18.
- Krisch N. (2005). International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order. *European Journal of International Law*. Vol.16. No. 3. P. 369–408.
- Krylov S.B. (1956). Ot nauchnogo redaktora [From the Editor]. In: Krylov S.B. (ed.) *Grotsij G. O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayutsya estestvennoe parvo i parvo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava*. Moscow: Gosjurizdat. P. 4.
- Kumm M. (2004). The Legitimacy of International Law: A Constitutionalist Framework of Analysis. *European Journal of International Law*. Vol. 15. P. 907–931.
- Levin D. B. (1960). The question of the relationship between diplomacy and international law in the light of the principle of peaceful coexistence. In: *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. P. 109–120.
- Lukashuk I.I. (1997). *Mezhdunarodnoe parvo. Obschaya chast'* [International Law. General Part]. Moscow. 371 p.
- Machiavelli N. (2016/1513). *The Prince*. Dover Thrift Editions: Philosophy. 80 p.
- Megret F. (2021). Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy de Lacharrière's La politique juridique extérieure. In Aust P.A., Kleinlein T. (eds) *Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries*. Cambridge. Cambridge University Press. 450 p. P. 108–129.
- Meinecke F. (1924). *Machiavellism: The Doctrine of Raison d'État and Its Place in Modern History*. London. Routledge. 487 p.
- Mjullerson R.A., Tunkin G.I. (eds.) (1989). *Kurs mezhdunarodnogo prava. V semi tomakh. T. 1. Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava* [International Law Course. In seven volumes. Volume 1. Concept, subject and system of international law]. Moscow: Nauka. P. 184–189.
- Morgenthau H. J. (1949). The Primacy of the National Interest. *American Scholar*. Vol.18. No. 2. P. 207–212.
- Movchan A.P. (1996). *Mezhdunarodnyj pravovoj poryadok* [International Legal Order]. Moscow. 102 p.
- Mulligan S. P. (2005). The Uses of Legitimacy in International Relations. *Millennium*. Vol. 34. P. 349–375.
- Murray D. (2017). Flawed and Unnecessary: the 'Unwilling or Unable' Doctrine Pertaining to States' Use of Force in Self-Defence against Non-State Actors. *Hague Yearbook of International Law / Annuaire de La Haye de Droit International*. Vol. 30. P. 59–118.
- Pellet A. (1985). Le Sage, le Prince et le Savant (A propos de «La politique juridique extérieure» de Guy de Lacharrière). *Journal du Droit International*. Vol. 112. P. 407–414.
- Savenkov A.N. (2020). *Gosudarstvo i parvo v period krizisa sovremennoy tsivilizatsii* [State and Law in the crisis of modern civilization]. Moscow: Prospekt. 319 p.
- Schachter O. (1982). International Law in Theory and Practice. General Course in Public International Law. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 178 (I). P. 9–396.
- Shaw M. (2008). *International Law*. Sixth Edition. Cambridge. University Press. Cambridge. New York. 1708 p.
- Sovremennaya nauka mezhdunarodnyh otnoshenij za rubezhom. Hrestomatiya v trekh tomah. (2015) [Modern foreign science of international relations. The anthology in 3 volumes] Volume 2. Chief-editor I.S. Ivanov. Moscow. P. 434–580.
- Stoll P.T., Vöneky S. (2002). The Swordfish Case: Law of the Sea vs. Trade. *Heidelberg Journal of International Law*. Vol. 62. P. 21–36.

- Teson F. R. (2018). *A Philosophy of International law*. Routledge. 207 p.
- Thomas C. A. (2014). The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 34. No. 4. P. 729–758.
- Trimble P. R. (1990). Review Essay: International Law, World Order and Critical Legal Studies. *Stanford Law Review*. Vol. 42. P. 811–845.
- Tunkin G. I. (1958). *Foundations of modern international law*. M.: 1958. 48 p. (In Russ.)
- Tunkin G.I. (1970). *Theory of International Law*. M. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 511 p. (In Russ.)
- Vattel E. (2008). *The Law of Nations* / eds. by Kapossy B., Whatmore R. — Indianapolis: Liberty Fund. 896 p.
- Voronin E.R., Kulebjakin V.N., Nikolaev A.V. (2015). Gosudarstvennyj perevorot v Kieve v fevrale 2014 g. [Coup d'état in Kiev in February 2014]. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 11–28.
- Vylegzhanin A.N., Dudikina I.P. (2016). Ponyatie “mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva” [The Politics of International Law as a Concept]. *Moscow Journal of International Law*. No. 4. P. 21–37.
- Vylegzhanin A.N. (2016). Voprosy sootnosheniya i vzaimodejstviya mezhdunarodnykh otnoshenij i mezhdunarodnogo prava [Issues of interactions of International Relations and International Law]. In: Ivanov I.S. (ed.) *Sovremennaya nauka mezhdunarodnykh otnoshenij za rubezhom. Khrestomatiya v tryekh tomakh. T. 2*. Moscow: Aspekt Press. P. 418–433.
- Weil P. (1983). Towards Relative Normativity in International Law? *American Journal of International Law*. Vol. 77. No. 3. P. 413–442.
- Weil P. (1996). Le Droit International en quête de son identité. *Recueil des cours de l'Academie de droit international*. Vol. 6. No. 237. 369 p.